

Культура и искусство

Правильная ссылка на статью:

Розин В.М. Социальные и художественный пути разрешения проблем России (возвращаясь к книге Алексея Давыдова «Душа Гоголя») // Культура и искусство. 2025. № 11. DOI: 10.7256/2454-0625.2025.11.76432 EDN: GULTTA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76432

Социальные и художественный пути разрешения проблем России (возвращаясь к книге Алексея Давыдова «Душа Гоголя»)

Розин Вадим Маркович

доктор философских наук

главный научный сотрудник; Федеральное государственное бюджетное учреждение науки "Институт философии Российской академии наук"

109240, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Гончарная, 12 стр.1, каб. 310

✉ rozinvm@gmail.com

[Статья из рубрики "Культурное наследие, традиции и инновации"](#)

DOI:

10.7256/2454-0625.2025.11.76432

EDN:

GULTTA

Дата направления статьи в редакцию:

26-10-2025

Дата публикации:

20-11-2025

Аннотация: В статье рассматриваются две темы. Первая тема представляет собой продолжение осмыслиения книги А. Давыдова, начало которого относится к 2010 году. Автор к предложенному ранее объяснению, представляющему собой критику медиации, добавляет еще одно понимание. Он считает, что художественное творчество и трансформация психики вполне способны смягчить или снять инверсию – процесс, когда личность расщепляется, раскалывается, мечется между противоречиями. Творчество и трансформация психики выступают в данном случае эффективным средством разрешения возникших в культуре сложных проблем, пусть не как условие для достижения середины (медиации), а как процесс снятия противоположностей в отдельно взятой личности. При этом противоречия в культуре, как правило, остаются без изменений. В работе автор

реализует следующую методологию: гуманитарный и культурно-исторический подходы, сравнительный анализ, реконструкцию личности и творчества писателей. Вторая тема – анализ двух концепций исторического пути России и ее места в Европе как концептуального фона, на котором разворачивалось творчество Гоголя. Первую концепцию автор называет «миссионерской», вторую – «охранительной», ее придерживались многие правители России перед лицом Европы. В соответствии с миссионерской концепцией Россия, несмотря на отставании в развитии, со временем укажет путь Европе, поскольку именно в ней сохраняется подлинно христианский дух и другие добродетели. Охранительная концепция представляет собой комплекс идей и практических действий, которые ориентируют и направляют Россию на «особый путь развития», объективно порождают противостояние с Европой и западным миром. Как человек своего времени, Гоголь принимал обе концепции пути России (миссионерскую и охранительную) и в этом отношении колебался; как гениальный писатель, он презентировал и предъявлял обе концепции, помогая себе и своим читателям.

Ключевые слова:

писатель, развитие, Россия, Европа, противоречия, медиация, середина, концепция, история, идеи

Введение

Книга вышла к двухсотлетнему юбилею великого писателя. Но к осмыслению ее вернулись в конце этого года в Институте философии на семинаре сектора философских проблем социальных и гуманитарных наук. Я книгу Алексея Давыдова анализировал еще в 2010 году [\[19\]](#), но в связи с новым витком размышлений о судьбах России стал рассматривать ее на этом семинаре, имея в виду другую проблему. Меня интересовало, какой вклад внес Гоголь в известный спор и обсуждение в первой половине XIX столетия отношения России к Европе.

Обсуждая эту тему, я отметил сначала особенность подхода (методологии) Давыдова, реконструировавшего жизнь и трагедию великого писателя. В этой методологии можно различить два плана. Первый, собственно реконструкция перипетий жизни Гоголя, здесь Давыдов опирается на его произведения и письма, исследования «гоголеведов», не исключая собственных догадок. Возразить против этой реконструкции трудно, она выполнена мастерски.

Второй план – идеи Александра Ахиезера о расколе и противоречиях в российской культуре и обществе, которые можно преодолеть способом «медиации» (это поиск середины как противоядия против раскола). «Гоголь, – пишет Давыдов, – нес инверсию, выступая в поддержку крепостного права, самодержавия, церкви (инверсией Алексей называет процесс, когда личность расщепляется, раскалывается, мечется между противоречиями. – В.Р.). Но он нес и медиационное начало, разрушающее инверсию, требуя демократизации церкви, защищая индивидуальный путь к Богу, интерпретируя божественное с позиции ценностей творческой личности, сакрализуя погоню за прибылью, по существу, легализуя в России дух протестантизма и в религии и в предпринимательстве» [\[4, с. 28\]](#).

Трагедия Гоголя, с точки зрения Давыдова, в том, что великий писатель «не смог соединить в себе противоположности и стал первой и далеко не последней в российской писательской среде жертвой социокультурного противоречия, раскола между инверсией и медиацией» [там же].

Душа Гоголя, по мнению Давыдова, исходно была расколота между архаикой и современностью, верой в Бога-Отца и Христа, традиционалистскими и европейскими ценностями. Именно Гоголь, утверждает Давыдов, начинает в России путь русской религиозной философии, с Гоголя обострилось противостояние общества, в его творчестве, хотел Гоголь того или не хотел, проявились в наглядной форме противоречия и раскол российской культуры. Если считать, что личность – это прямая проекция социальных отношений и противоречий, то изложенная в книге версия судьбы Гоголя выглядит достаточно правдоподобной.

Однако сомневаюсь, что Гоголь действовал и жил, бессознательно реализуя противоречия и раскол русской культуры. Кроме того, я критикую в своей статье понятия раскол и медиация [9]. Сомнения и возражения автора для Давыдова понятны (это выяснилось в наших беседах), но не убедили Алексея.

Миссионерская и охранительная концепции России

Посмотрим теперь, на каком концептуальном фоне, в смысле обсуждений исторического пути России и ее места в Европе, сложилось предложение Гоголя. Здесь можно указать две полярные концепции и традиции, которые в своей противоположности ясно осознаются только в прошлом столетии. Одну концепцию, идущую от взглядов Степана Петровича Шевырева (1806–1864) и Петра Яковлевича Чаадаева (правда, так сказать, уже «позднего»), можно условно назвать «миссионерской». Вторую – «изоляционной» и «охранительной», ее придерживались многие правители России перед лицом Европы и более широко западного мира.

Миссионерскую концепцию и традицию (от Чаадаева к Гоголю, Достоевскому, Толстому и Константину Леонтьеву) в прошлом веке рассмотрел Василий Зеньковский, но, к сожалению, мало исследователей обратили внимание на эту фундаментальную работу. Зеньковский показывает, что размышления Чаадаева по поводу мировой истории прошли два этапа. На первом он приходит к мысли о том, что именно в Европе воплотились идеи и замыслы христианства, а Россия осталась в стороне, выпала из мирового исторического процесса. Но такой вывод по поводу России не укладывался в голове, противоречил самой идее провиденциальности Творца. Поэтому на втором этапе Чаадаев выходит на идеи, составляющие суть рассматриваемой традиции. А именно, у России есть свое назначение, она вступит в игру позднее, Россия определит историческое развитие Европы и всего мира, главное содержание этого будущего этапа истории будет состоять в раскрытии в форме социальной жизни идей подлинного христианства и православия.

В письме Тургеневу (1835 г.) Чаадаев пишет: «Россия, если только она уразумеет свое призвание, должна взять на себя инициативу проведения всех великодушных мыслей, ибо она не имеет привязанностей, страстей, идей и интересов Европы... Мы призваны обучить Европу множеству вещей, которых ей не понять без этого. Не смейтесь, вы знаете, – это мое глубокое убеждение. Придет день, когда мы станем умственным средоточием Европы... таков будет логический результат нашего долинного одиночества...

наша вселенская миссия уже началась» (цит. по [\[7, с. 176, 177\]](#)).

В «Дневниках писателя» за 1880 год Достоевский предсказывает, что именно Россия укажет правильный путь Европе, что русская православная культура выше всего, что есть на западе. «И не надо,— пишет писатель, поясняя свою речь о Пушкине,— не надо возмущаться сказанным мною, “что нищая земля наша, может быть, в конце концов, скажет новое слово миру”. Смешно тоже и уверять, что прежде чем сказать новое слово миру, “надобно нам самим развиться экономически, научно и гражданско... Я просто только говорю, что русская душа, что гений народа русского, может быть, наиболее способны, из всех народов, вместить в себе идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия... Наша нищая неурядная земля, кроме высшего слоя своего, вся сплошь как один человек. Все восемьдесят миллионов ее населения представляют собою такое духовное единение, какого, конечно, в Европе нет нигде и не может быть... в этой Европе, где накоплено столько богатств, все гражданское основание всех европейских наций — все подкопано и, может быть, завтра же рухнет бесследно на веки веков... Неужели и тут не дадут и не позволят русскому организму развиться национально, своей органической силой, а непременно обезличенно, лакейски подражая Европе?» [\[6, с. 419-420\]](#). Леонтьев, — замечает Зеньковский, — «воспринял в своем религиозном переломе христианское откровение о спасенности мира во Христе со всей серьезностью, но столь же глубоко он стал и перед вопросом о христианском смысле культуры и истории, о христианских путях истории. В этом пункте Леонтьев примыкает к Гоголю, Чаадаеву, Толстому, Достоевскому, а косвенно — к “теургическому беспокойству” в русском социально-политическом радикализме» [\[7, с. 456\]](#).

Кажется, когда все это говорилось, к удивлению подобные мысли актуальны и сегодня. Например, известный методолог Юрий Громыко в рекламе на You Tube своей новой книги «Россия — Ноев Ковчег человечества: Философско-религиозные и методологические аспекты государственной идеологии будущей России» (2019) пишет следующее. «Основная идея этой книги, попробовать сформулировать идеологию прорыва России в будущее. Мы с автором Юрием Васильевичем Крупновым абсолютно убеждены, что именно Россия, российский уникальный опыт, имперский опыт, социалистический опыт является основой предложения самим народом обществу России, а также всему миру уникальной идеологии связанной с прорывом и развитием... Человечество сегодня с болью, конечно, в корчах расстается с идеологией финансового капитализма, финансового империализма, и можно совершенно четко сказать, что прошедшие тридцать лет показали, что капитализм в России не получился. Мы стоим перед выдающейся важнейшей задачей, как организовать наше идейное устремление в будущее и двигаться туда... Россия — это, действительно, Ноев Ковчег человечества и она может предложить такую созидательную идеологию, которая отличается от идеологии капитализма, направленной на уничтожение народов...» [\[3\]](#).

Вторая, охранительная традиция в историческом плане идет от славянофильства, но в отношении государственной политики представляет собой комплекс идей и практических действий, которые ориентируют и направляют Россию на «особый путь развития», способствуют изоляции страны, предполагают создание защитной буферной территории вдоль границ, объективно порождают противостояние с Европой и западным миром. Идеал этой традиции автаркия. Пожалуй, один из первых зчинателей ее дискурсивности был наш замечательный поэт Федор Тютчев. В записке Николаю I, относящейся к 1830 году, Тютчев пишет следующее.

«Что такое Восточная Империя? Это законная и прямая преемница верховной власти Цезарей. Это полная и всецелая верховная власть, которая, в отличие от власти западных государств, не принадлежит какому бы то ни было внешнему авторитету и не исходит от него, а несет в себе самой свой собственный принцип власти, но упорядочиваемой, сдерживаемой и освящаемой Христианством.

Что такое Восточная Церковь? Это Церковь вселенская.

Вот два единственных вопроса, по которым должен вестись всякий серьезный спор между Западом и нами. Все прочее – только болтовня. Чем глубже мы постигнем эти два вопроса, тем сильнее предстанем перед лицом противника. Тем скорее мы станем самими собой. Если пристально рассматривать ход событий, борьба между Западом и нами никогда не прекращалась. В ней не было даже длительной передышки, а случались лишь короткие остановки. Зачем теперь это скрывать от себя? Борьба между Западом и нами готова разгореться еще жарче, чем когда бы то ни было, и на сей раз опять, как и прежде, как всегда, именно римская Церковь, латинская Церковь оказывается в авангарде противника.

Что же, примем бой открыто и решительно. И да не забудет ни на мгновение Восточная Церковь перед лицом Рима, что она является законной наследницей вселенской Церкви». [\[10\]](#) Есть и такие высказывания Тютчева: «Единственная естественная политика России по отношению к западным державам, это не союз с той или иной из этих держав, а разъединение, разделение их. Ибо они только когда разъединены между собой, перестают быть нам враждебными – по бессилию. Эта суровая истина, быть может, покоробит чувствительные души, но, в конце концов, ведь это же закон нашего бытия <...> Россия самим фактом своего существования отрицает будущее Запада» [\[10\]](#)

Метаморфорзы личности Гоголя

Развитие России напоминает движение маятника: в одни периоды развития ее правители и элиты (в том числе художественные) склоняются к миссионерской стратегии, правда, чаще, в варианте не «мягкой», а «твердой силы», то пытаются реализовать охранительную, изоляционную концепцию. Первоначально Гоголя под влиянием Степана Шевырева и, возможно, и Пушкина, привлекали миссионерские идеи, но в дальнейшем он принял охранительную концепцию, усилив и переосмыслив ее в духе христианского мироощущения и провиденциального пути.

Рита Джулиане, профессор русского языка и литературы в Римском Университете «La Sapienza» отмечает, что «в начале 1839 г. Шевырев посвятит Гоголю длинное стихотворение "К Г^оголю" при поднесении ему от друзей нарисованной сценической маски в Риме, в день его рождения». Гоголь будет весьма польщен. В 1842 г. стихотворение напечатают в журнале "Москвитянин". Слова благодарности, сказанные Гоголем автору, звучат как высшая похвала: "Доныне я их читаю, и мне кажется, что я слышу Пушкина". С годами их дружба крепнет, растет взаимное уважение и доверие. В 1842 г. в одном из писем Гоголь признается: "Узы дружбы нашей таковы, что мы можем прямо в глаза указать друг другу наши собственные недостатки, не опасаясь затронуть какой-нибудь щекотливой и самолюбивой струны". В конце того же года Шевырев печатает обширную рецензию на "Мертвые души", указывая на отдельные промахи, например, "неполноту комического взгляда". Гоголь с благодарностью откликается на

рецензию и на критику. В словах, обращенных к Шевыреву, он вновь подчеркивает созвучие их взглядов: "...но художник-критик должен понять художника-писателя"» [\[5\]](#).

«Можно, – пишет Джулиане, – с достаточной долей вероятности предполагать, что имело место не влияние Гоголя на Шевырева, а, наоборот, что взгляды Шевырева на историю повлияли на писателя, работавшего в это время над своей повестью...(по убеждению Шевырева "были народы, уже раскрывшие свое значение; угасшие со временем, они принадлежат уже истории прошлого, наследие их стало достоянием всего человеческого рода. Есть народы, ныне производящие свое общее значение, они трудятся, чтобы обогатить всеобщую мудрость. Есть и те, которых Провидение хранит в чреве будущего людей; рано или поздно настанет их черед приобщиться к увеличению всеобщего достояния")...По мнению славянофила Шевырева, – заключает Джулиане, – русский народ был "призван Кузнецом народов соединить Европу с Азией"; это был "великий народ"», которому уготовано будущее» [\[5\]](#).

Не правда ли большое сходство с мыслями Чадаева, но и косвенно с фрагментом из «Мертвых душ»: «Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земле, и, косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства». Замечательно, если только забыть, что в тройке сидит жулик Чичиков.

Учтем еще, что Гоголь разрешал свои противоречия, создавая художественные произведения. А это означает – построение эстетических миров, как правило, независимых друг от друга. В одном мире (например, «Вечера на хуторе...») могут быть архаические реалии, а в другом (Петербургский цикл) – современные городские сюжеты, маленький человек и критика безликого города. В первом томе «Мертвых душ» – сатира на российскую действительность, по сути, с точки зрения европейского мироощущения, а во втором, как показывает Давыдов, – оправдание российской действительности с элементами раннекапиталистической утопии. Художник не обязан согласовывать художественные реальности, созданные в разных произведениях. В этом отношении поиск середины, как метод разрешения противоречий в случае Гоголя представляет собой художественное творчество. [\[9\]](#)

Трудно сказать, почему Гоголя не удовлетворил путь разрешения проблем России, предложенный Шевыревым, возможно, этот путь расходился с самоощущением Гоголя себя как великого писателя, и не только писателя, а миссии. «Еще один Левиафан, – пишет Гоголь, – затевается. Священная дрожь пробирает меня заранее, как подумаю о нем: слышу кое-что из него... божественные вкушу минуты... но... теперь я погружен весь в Мертвые души. Огромно велико мое творение, и не скоро конец его. Еще восстанут против меня новые сословия и много разных господ; но что ж мне делать! Уже судьба моя враждовать с моими земляками. Терпенье! Кто-то незримый пишет передо мною могущественным жезлом» (цит. по [\[11\]](#)).

Гоголь не просто уподобляет себя Павлу и Христу, он как художник начинает создавать из себя своего рода произведение, строит свою жизнь по примеру святых (сравни, «из идеи того, что Я не дано нам, – пишет М.Фуко, – есть только одно практическое следствие: мы должны творить себя как произведения искусства». Цит по

[\[8, с. 60\]](#)). Как одно из следствий, Гоголь выходит на идею преображения своей души. «С тех пор, как я оставил Россию, – пишет он в 1844 г. Смирновой, – произошла во мне

великая перемена. Душа заняла меня всего, и я увидел слишком ясно, что без устремления моей души к ее лучшему совершенству не в силах я был двинуться ни одной моей способностью, ни одной стороной моего ума во благо и пользу моим собратьям, и без этого воспитания душевного всякий труд мой будет только временно блестящ, но суетен в существе своем» [\[2, с. 288\]](#). Другими словами, трансформация, происходящая с Гоголем, состоялась не без его участия и творчества.

Гоголь не был ученым, поэтому его сознанию не грозил когнитивный диссонанс обусловленный социокультурными противоречиями, хотя, конечно, противоположные схемы и трактовки российской жизни должны были создавать напряжения, требующие своего разрешения. Как художник он разрешал их, создавая произведения, в которых эти противоположности получали возможность автономного, независимого существования. Разрешались они также в трансформациях его психики. Одни исследователи Гоголя интерпретировали их в духе девиантности, как болезнь, например, В.Ф. Чиж, а другие ближе к гениальности или просто сингуллярность и странность личности.

С точки зрения Чижка, в Гоголе жили две разные, изолированные друг от друга личности – гениальная, художественная и духовная, но совершенно бесчувственная. «Очевидно, что гениальность и ею созданное, – пишет Чиж, – всегда оставались чуждыми, посторонними всей остальной личности Гоголя. Гениальность была как бы отделенной, не слитой со всей духовной организацией, и потому мы должны всегда отделять гениальность и ее создания от всей остальной духовной жизни больного поэта. Художественное творчество было настолько чуждо, посторонне всей остальной духовной жизни великого поэта, что Гоголь как человек совершенно не симпатизировал тем великим идеям, которые выражены в его художественных произведениях. Он никогда не понимал, что все великие произведения ведут человечество вперед; как гениальный художник, он с изумительной прозорливостью постиг главные отрицательные явления своей эпохи и вместе с тем решительно не понимал необходимости улучшений; как человек, он не возмущался ни крепостным правом, ни дореформенным судом, ничуть не сожалел об ужасном положении народа. Только тем, что художественная гениальность была чуждой, посторонней всей духовной личности великого сатирика, мы можем объяснить его отрицательное отношение к своим художественным произведениям, удивительное противоречие между основными идеями художественных и теоретических произведений и, наконец, еще большее несоответствие в смысле ценности первых и вторых» [\[11\]](#).

Болезнь Гоголя трудно отрицать, но это не знакомое психиатрам девиантное поведение на почве шизофрении, а трансформация духа под влиянием больших мыслей и идей. «С ним повторилось обыкновенное явление нашей русской жизни, – говорил хорошо знавший Гоголя отец Матфей, – Наша русская жизнь не мало имеет примеров того, что сильные натуры, наскучивши суетой мирской или находя себя не способными к прежней широкой деятельности, покидали все и уходили в монастырь искать внутреннего умиротворения и очищения своей совести. <...> Так было и с Гоголем. Он прежде говорил, что ему “нужен душевный монастырь”, а перед смертию он еще сильнее пожелал его. Известно, что умер Гоголь в состоянии духовного просветления. Последними его словами, сказанными в полном сознании, были: “Как сладко умирать!”» [\[11\]](#) Другое дело, если удастся показать, что многие психические заболевания тоже обусловлены экзистенциальными мыслями и идеями.

Заключение

Давыдов считает, что трагедия Гоголя связана с тем, что великий писатель «не смог соединить в себе противоположности, став жертвой социокультурного противоречия, раскола между инверсией и медиацией». На мой взгляд, можно предложить другое понимание: художественное творчество и трансформация психики вполне способны смягчить или снять инверсию. В этом отношении они выступают средством разрешения рассматриваемой проблемы, пусть не как условие для достижения середины (медиации), а как процесс снятия противоположностей в отдельно взятой личности. Что же касается противоречий в культуре, они остаются без изменений. Как человек своего времени, Гоголь принимал обе концепции пути России (миссионерскую и охранительную) и в этом отношении колебался. Как гениальный писатель, он презентировал и предъявлял обе концепции, помогая и себе и своим читателям.

Библиография

1. Воропаев В. "Да будет воля твоя". О причинах смерти Гоголя. Интернет-журнал Сретенского монастыря. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/arts/gogoldeath.htm>
2. Гоголь Н.В. Письмо А.О. Смирновой // Гоголь Н.В. Собр. соч. В 9 т. М., 1994. Т. 9.
3. Громыко Ю.В. Россия – Ноев Ковчег человечества: Философско-религиозные и методологические аспекты государственной идеологии будущей России. М.: URSS, 2019. 208 с.
4. Давыдов А.П. Душа Гоголя. М.: Новый хронограф, 2008. 264 с. EDN: UPUEBT
5. Джулиане Р. Историософские взгляды Гоголя и Шевырева. О "народе сильном, непочатом". URL: <https://www.domgogolya.ru/science/researches/1482/>
6. Достоевский Ф.М. Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине. Собрание соч. в 15 т. Т. 14. СПб.: Наука, 1995. С. 416-425.
7. Зеньковский В.В. История русской философии. Париж: YMCA-PRESS, 1948. 468 с.
8. Роджер Алан Дикон. Производство субъективности // Логос. 2008. № 2 (65).
9. Розин В.М. Понять жизнь и поступки Гоголя / В. М. Розин // Вопросы философии. 2010. № 1. С. 130-140. EDN: LRFDLH
10. Тютчев Ф.И. О ненависти Европы к России. URL: <http://tutchev.lit-info.ru/tutchev/public/3apiska/zapiska-perevod.htm>
11. Чиж В.Ф. Болезнь Н.В. Гоголя. URL: <https://gogol-lit.ru/gogol/bio/chizh-bolezny-gogolya/glava-i.htm>

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Социальные и художественные пути разрешения проблем России (возвращаясь к книге Алексея Давыдова «Душа Гоголя»)» представляет собой обращение к достаточно известному сюжету – общественно-литературной полемике середины XIX века об отношениях России и Европы (миссионерская и

изоляционистская/славянофильская концепции), своеобразие авторского подхода заключается в попытке определить позицию в этой дискуссии Н.В. Гоголя, отсюда «социальные и художественный пути» (вероятно все же «художественные»). Вообще заглавие текста несколькоdezориентирует, т.к. речь идет не о путях разрешения какого-то многообразия проблем России, но об одном конкретном аспекте – отношениях России и Европы; и даже не о способах разрешения этого цивилизационного конфликта, но о способах разрешения мировоззренческих противоречий в творчестве и в общественной деятельности конкретного художника - Н.В. Гоголя. Далее, автор в своем исследовании отталкивается от работы А. П. Давыдова «Душа Гоголя», заявляя свой текст как полемический относительно упомянутой работы и даже фиксируя это в заглавии работы; между тем работа Давыдова опубликована в 2010 г. и была уже отрецензирована автором (он упоминает это в тексте), в самом тексте отсылки к работе Давыдова минимальны (хотя в заключении автор формулирует свои расхождения с давыдовской трактовкой), автор объясняет возвращение к обсуждению «новым витком размышлений о судьбах России» т.е. усилившейся актуальностью рассматриваемого круга вопросов. Представляется, что обращение к проблеме отношений России и Европы в историко-философском дискурсе действительно приобрело большую актуальность в связи в т.ч. с geopolитической обстановкой, поэтому отсылка к тексту 15-летней давности и в некотором смысле формат повторной рецензии необязательны для оправдания/актуализации постановки проблемы. Что представляется более важным, так это помещение авторских рассуждений в более широкий библиографический контекст, т.к. «новый виток размышлений» разумеется имеет публикационный след, и не малый. Автор же апеллирует к небольшому набору текстов достаточного срока давности, тем самым «новый виток размышлений» сводится к набору авторских тезисов с апелляциями к Достоевскому или Чадаеву, вне всякого современного контекста. Особенно странно выглядит обращение не к тексту самой работы Громыко Ю.В. "Россия – Ноев Ковчег человечества: Философско-религиозные и методологические аспекты государственной идеологии будущей России" (2019), но всего лишь к рекламе этого текста на платформе You Tube. В результате "новый виток" оказывается новым только для самого автора, но не для дискурса как такового. При всем вышесказанном работа имеет определенную научную ценность, содержание может быть предметом для дискуссии. Рекомендуется к публикации.